

Тибет — «культурный геноцид» или живая культура? (Часть III)

Феликс Абт провел несколько недель, путешествуя по Тибету (Китай). В этой третьей части автор прямо обращается к политической полемике: является ли обвинение в «культурном геноциде» серьезным анализом или же это нарратив, используемый в качестве оружия?

Феликс Абт

пнд 01 июн 2026 8 мин. чтения

Путешествуя по Тибету — заходя в дома местных жителей, посещая монастыри, беседуя с родителями и детьми о школе, общаясь с фермерами, монахами и врачами — складывается впечатление, которое явно не вписывается в доминирующую западную версию событий. Обвинение в «культурном геноциде» в Тибете

повторяется так часто и с такой уверенностью, что подвергать его сомнению кажется почти невежливым. Однако реальность, с которой сталкиваешься на месте, требует именно этого.

Эта третья часть не претендует на то, чтобы дать исчерпывающий ответ на сложный и политически острый вопрос. В ней, однако, анализируются фактические данные — в том числе проводится тщательный анализ нового китайского закона о языках, который в последнее время часто приводят в качестве доказательства подавления культуры, а также дается сравнительный обзор того, как западные страны исторически относились к языкам своих меньшинств.

Обвинение в «культурном геноциде»: что это на самом деле означает?

Термин «культурный геноцид» несет в себе огромный моральный груз. Он подразумевает систематическую, целенаправленную кампанию по уничтожению языка, религии, традиций и самобытности народа. Применительно к Тибету этот термин стал неотъемлемой частью западного дискурса о правах человека и повторяется правительствами, НПО и СМИ, как будто это уже установленный факт.

Однако наблюдения, сделанные в ходе этой поездки, свидетельствуют об обратном. На тибетском языке говорят на улицах, он используется на вывесках всех магазинов, преподается в школах, применяется в официальных документах и сохраняется в процветающей монашеской культуре, которая по-прежнему привлекает паломников со всей страны. Тибетская медицина систематически развивается и коммерциализируется в специализированном университете. Буддийская религиозная практика — обход святынь (кора), поклоны, подношения масляных лампад, монашеские дебаты — осуществляется открыто и на глазах у всех, без каких-либо признаков вмешательства со стороны государства. Двуязычные дети идут в школу мимо двуязычных вывесок.

Это не картина культуры, находящейся на грани исчезновения. Скорее, это картина культуры, которая меняется — как меняются все живые культуры, — но при этом сохраняет свою сущностную жизненную силу.

Избирательное возмущение: примеры Украины, Франции и Уэльса

Те, кто громче всех выдвигает обвинения в культурном геноциде, зачастую являются теми же самыми людьми, которые явно молчат, когда речь заходит о реальном подавлении культуры в других странах — в том числе в тех, которых они считают своими союзниками или образцами для подражания.

Возьмем, к примеру, Украину, где миллионы русскоязычных граждан сталкиваются с языковыми ограничениями, из библиотек изымаются книги на русском языке, закрываются русскоязычные СМИ, а деятельность Русской православной церкви подвергается жестким ограничениям. Речь идет о задокументированных мерах, которые продолжают осуществляться и имеют ощутимые культурные последствия. При этом они привлекают лишь малую толику того международного внимания, которое уделяется Тибету.

Или возьмем, к примеру, Францию, где такие региональные языки, как баскский, эльзасский, корсиканский, бретонский и окситанский, не имеют официального статуса. В соответствии с национальным законодательством их использование в административных целях запрещено, а в школах — под запретом. В прошлом учеников даже заставляли носить «ожерелье позора», если они осмеливались говорить на родном языке в школе.

Подобная практика когда-то существовала и в Соединенном Королевстве: в Уэльсе в школах применяли так называемый «Welsh Not» — деревянный жетон, который вешали на шею ребенку, если его заставляли за разговором на валлийском языке. Ребенок, у которого этот жетон оставался на шее к концу учебного дня, подвергался наказанию. Это не далекие средневековые обычаи; они сохранялись вплоть до XX века.

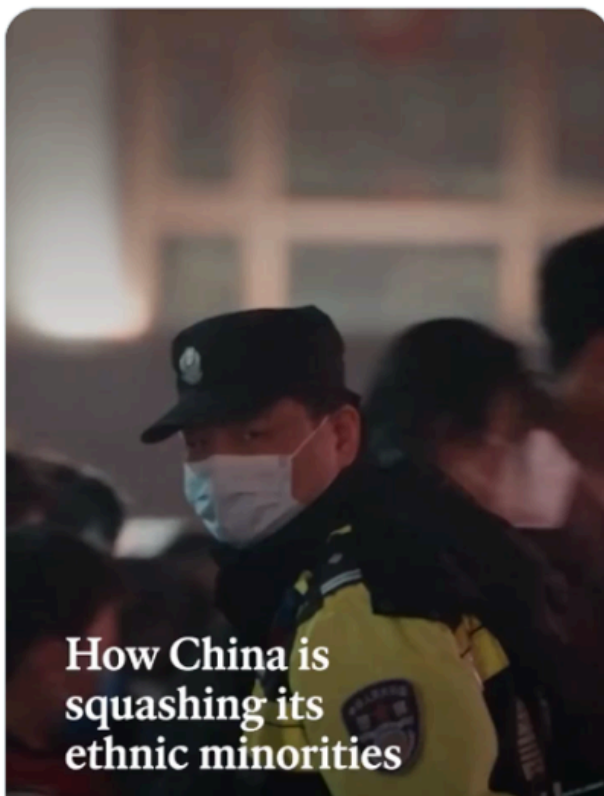
Официальная политика Франции, направленная на уничтожение языков, привела к удручающим результатам. Согласно данным национальной статистики, доля семей, в которых говорили на таких региональных языках, как корсиканский и бретонский, сократилась с 70–80 % в конце Первой мировой войны до менее 10 % к концу XX века. Даже в Эльзасе — исторически наиболее устойчивом регионе — передача эльзасского языка от поколения к поколению сократилась с примерно 70% до всего 18% за два поколения. Ни одно западное правительство не было обвинено в культурном геноциде за эти результаты.

Журнал «Экономист» и искусство формулирования: тематическое исследование

Журнал «Экономист» недавно заявил, что новый китайский закон ущемляет права 55 этнических меньшинств. Это классический пример того типа подачи информации, который уже давно характерно для освещения событий в Китае в большинстве западных СМИ. На протяжении почти двух десятилетий на страницах этих изданий год за годом звучали предупреждения о том, что экономика Китая постоянно находится на грани краха. Однако этот крах так и не наступил. Подача информации о законе о языке следует той же схеме: панические заявления без весомых оснований.

There are 56 ethnicities in China—and 55 are getting squashed. A new law passed by the Chinese legislature is a grim milestone in the Communist Party's harder-line approach to ethnic politics econ.st/4vK4oX4

Давайте рассмотрим текст закона.

Китай уже предпринимает больше мер по защите языков национальных меньшинств, чем практически любая западная страна. Согласно опросу, проведённому Национальной языковой комиссией в 2017 году, лишь 30 % жителей

Тибета владели мандаринским диалектом на практическом уровне. Тибетский язык по-прежнему остаётся основным языком повседневной жизни для подавляющего большинства населения. Аналогичным образом, шестая всеобщая перепись населения Китая (2010 г.) показала, что 85,25 % этнических монголов по-прежнему используют монгольский язык в повседневной жизни.

На самом деле можно утверждать, что Китай слишком успешно справился с задачей сохранения региональных языков: в некоторых группах населения значительное число людей говорит исключительно на своем региональном языке и владеет мандаринским языком в ограниченной степени или вовсе не владеет им. Именно эту проблему и призван решить новый закон.

Что на самом деле гласит новый закон

Вместо того чтобы полагаться на краткие обзоры в СМИ, стоит **самостоятельно ознакомиться с положениями закона**. Ниже приводится подробный анализ каждого пункта.

- Признает ли он и защищает ли языки национальных меньшинств? Да. В законе прямо указано: «Государство уважает и защищает изучение и использование языков и письмен национальных меньшинств, [а также] содействует регламентации, стандартизации и оцифровке языков национальных меньшинств».
- Запрещает ли он языки меньшинств в школах? Нет. Он еще больше смещает акцент в образовании в сторону мандаринского диалекта, требуя использования единых для всей страны учебников и определяя мандаринский диалект в качестве основного языка обучения. Однако он не отменяет школы с преподаванием на языках меньшинств (民族语授课学校), которые могут продолжать работу при государственном финансировании.
- Запрещает ли он использование языков меньшинств в государственных органах? Нет. Статья 15 требует, чтобы в случаях, когда законы предписывают оформление документов на языках меньшинств, предоставлялись как версия на общенациональном языке, так и версия на языке меньшинства.
- Запрещает ли он использование языков меньшинств на публичных вывесках? Нет. Закон требует, чтобы мандаринский язык отображался «на видном месте» наряду с надписями на языках меньшинств — а не вместо них.
- Подрывает ли он этническую региональную автономию? Нет. Статья 8 прямо подтверждает «поддержание и совершенствование системы этнической региональной автономии». Закон об этнической региональной автономии 1984

года остается в силе, сохраняя за местными органами власти право принимать нормативные акты, соответствующие местным условиям.

Новый закон продвигает мандаринский диалект в качестве общего национального языка — что является совершенно нормальным явлением для любого суверенного государства. Он ни в коем случае не направлен на уничтожение или подавление 55 этнических групп. Такая интерпретация — это не анализ, а пропаганда.

Проекция и политика обвинения

Настоящее подавление культуры выглядит так, как если бы ребенку на шею повесили деревянную башмачку за то, что он говорит на родном языке, или объявили обычаи меньшинств неконституционными — и то, и другое исторически имело место в западных странах. Напротив, правовая база, которая финансирует сохранение языков меньшинств, поддерживает школы с преподаванием на языках меньшинств и предписывает двуязычность официальных документов, не уничтожает культуру. Это особенно верно, когда она действует в рамках конституции — такой как статья 4 конституции Китая — которая прямо гарантирует этническим меньшинствам «свободу использовать и развивать свои устные и письменные языки, а также сохранять или реформировать свои традиции и обычаи».

В конечном счете, мы наблюдаем нечто вроде проекции: критики обвиняют Китай в действиях, которые во многих случаях гораздо точнее характеризуют их собственную историческую или современную практику. Обвинение в культурном геноциде в случае с Тибетом — это не столько вывод, сделанный на основе фактов, сколько нарратив, сконструированный в геополитических целях, который наносит огромный ущерб истинной сложности происходящего на местах.

— — —

Преемственность, обновление и наследие принцессы Вэньчэн

Сегодня жизнь вновь бьет полной силой в Лхасе и по всему Тибету. И на лицах людей чувствуется нечто драгоценное: глубокое спокойствие, сдержанное достоинство и мягкое удовлетворение. Улыбающиеся лица на рынке. Дедушка, хлопающий в ладоши, чтобы побудить своего маленького внука сделать то же самое. Отец, танцующий на одной ноге со своей маленькой дочкой, пока соседи с улыбкой наблюдают за ними.

В этой атмосфере преемственности и обновления можно вспомнить о вечном наследии принцессы Вэньчэн — которая вошла в историю как одна из самых легендарных королев Тибета — чье видение гармонии, процветания и благополучия людей, кажется, находит своё тихое воплощение в длинной цепи веков. Ее путь, по правде говоря, был проложен через глубокий конфликт: движимая сыновней почтительностью, она перенесла жестокий, пятитысячекилометровый поход через обрывистые горы и дикие местности. И все же она осталась там на сорок лет, не потому что была вынуждена, а потому что что-то удерживало ее там — нечто, напоминавшее чувство принадлежности.

Возможно, это и есть самый правдивый образ Тибета, который путешественник может увезти с собой домой: не тот, что создается в политических целях с той или иной стороны, а тот, которым живут сами люди. Оживленные монастыри, деревни, местный язык и женщина, у которой было трое мужей — места, где культура не просто сохраняется, не говоря уже о том, чтобы подавляться, а активно воплощается в жизнь.

— — —

Феликс Абт — швейцарский предприниматель и писатель, который жил и работал в некоторых из самых сложных регионов мира, включая Африку, Ближний Восток, Северную Корею и Вьетнам. Он регулярно пишет в своём блоге на *Substack* о геополитике, вопросах развития и разрыве между западными представлениями и реальной ситуацией на местах, а также публикует путевые заметки на своём *YouTube*-канале «*Lixplore*».

ТЕГИ СТАТЬИ:

Китай Серия статей Принцесса Вэньчэн